

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.А. Блохина

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Analytic Philosophy: An Interpretive History / Ed. by A. Preston.
N. Y.; L.: Routledge, 2017. 289 p.

Блохина Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. Российская Федерация, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46; e-mail: n.blokhina_77@mail.ru

Интенсивная на протяжении последних трех десятилетий работа философов-аналитиков по поиску самоопределения аналитической философии привела некоторых из них не только к отрицанию существования единой аналитической традиции, но и к непризнанию специфичности их деятельности. Именно такие цели преследовали редактор сборника научных статей «Аналитическая философия: история интерпретаций» (2017) Аарон Престон и автор статьи «О традиционалистском предположении» Сандра Лапойнт. Однако при анализе аргументов этих авторов выявляется их слабость перед аргументами других авторов сборника, а внимательное чтение статей лишней раз убеждает, что намерения по-иному интерпретировать того или иного представителя аналитической философии или его произведение не позволяют вырвать этих философов из аналитического контекста и исключить их труды из аналитического дискурса.

Ключевые слова: аналитическая философия, самоопределение, А. Престон, С. Лапойнт, Г.-Й. Глок

Главной интригой сборника «Аналитическая философия: история интерпретаций» (2017) являются отстаиваемые Аароном Престоном и Гансом Йоханом Глоком противоположные оценки происхождения и сути аналитической философии (АФ). Глок выступает против главной идеи книги Престона «Аналитическая философия: история одной иллюзии» (2007). Эту идею он представляет так: «...аналитическая традиция... исключительно или даже преимущественно была *создана ретроспективно* через интерпретации живших позднее комментаторов» (Р. 214)¹. С его точки зрения, аналитической философии присущ своеобразный способ философствования и в ней существуют *реальные* тенденции, которые вместе делают ее оригинальной и целостной традицией в потоке мировой философии.

¹ Что-то аналогичное мы слышали о связи античной эпохи и эпохи Возрождения: якобы именно труды мыслителей Ренессанса породили тексты гениев античности и жизнеописания этих гениев.

I

Обоснование позиции, что аналитическая философия не является исключительно результатом интерпретации живших позднее комментаторов, Глок строит на анализе основных проектов философов-аналитиков. В аналитической философии, по его мнению, имеются две устоявшиеся интерпретации аналитической философии, придающие аналитической традиции четкую форму. Первой интерпретацией является идея *лингвистического поворота*, выдвинутая на обсуждение Густавом Бергманом и канонизированная в названии сборника статей, вышедшего под редакцией Ричарда Рорти в 1967 г. Обращение к языковой проблематике не делает автоматически из философа аналитика. Однако, начавшись «Трактатом» Витгенштейна, лингвистический поворот становится прорывом в самоопределении главного течения внутри аналитической традиции. Через логических позитивистов, позднего Витгенштейна и постпозитивистов, таких как Уиллард ванн Орман Куайн и Дональд Дэвидсон, данное течение увлекает в свой поток и адептов концептуального анализа². «Эти различающиеся в других отношениях фигуры объединяет твердая вера в то, что традиционные философские проблемы – в особенности проблемы метафизики – являются, прежде всего, логическими и концептуальными, нежели фактуальными; в конечном счете, они коренятся в неверном толковании языка, а не в игнорировании реальности. Поэтому они должны быть разрешены или опровергнуты не нахождением новых данных или разработкой новых эмпирических теорий о мире, но через прояснение – логический анализ, перефразирование, преобразование – языка» (р. 215).

Другой интерпретацией, которая очерчивала границы аналитической философии, по мнению Глока, является различие двух ответвлений внутри самой лингвистической философии. Это *философия идеального языка* и *философия обыденного языка*. В период между 1930-ми и 1960-ми годами в британской философии доминировало движение, обязанное своим происхождением философии здравого смысла Джорджа Мура и идеям Людвиг Витгенштейна, сформулированным им после 1929 г. Это движение состояло из таких философов, как Гилберт Райл, Джон Остин, Пол Грайс, Норман Малкольм, Ричард Хеар, Стюарт Хемпшир, Герберт Харт, Дэвид Пэрс, Питер Стросон, Стефан Тулмин, Джеймс Урмсон, Джеффри Дж. Ворнок. Их оппоненты – Бертран Рассел, Густав Бергман, Уиллард ванн Орман Куайн – называли это движение «философией обыденного языка» или «философией Оксфорда». При этом точное происхождение названия «философия обыденного языка» не выяснено. У П. Хакера есть предположение, что оно могло появиться после публикации Малкольмом в 1942 г. статьи «Мур и обыденный язык». А вот противопоставление философии идеального языка философии обыденного языка принадлежит Густаву Бергману, общепризнанному логическому позитивисту, стороннику философии идеального языка. «Приклеивание» этикетки «философия обыденного языка» к определенной части аналитического дискурса шло двумя способами. Для логических позитивистов данная философия была чем-то «другим», категориально близким дискурсу постмодерна. Такая целевая квалификация отличающихся от позитивистов («других») философов ускоряла объединение последних, усиливая

² Эту идею Глок обосновывает в своей книге «Что такое аналитическая философия?» (Glock H.-J. What is Analytic Philosophy? Camb., 2008. Ch. 2.4; 5.2; 8).

их ощущение родства, чувство идентичности. Однако этот объединительный настрой не исключал осознания философами наличия среди них разнообразия, и это признавали П. Грайс и другие. Принцип многообразия в единстве при характеристике философии обыденного языка отмечали Хакер и Ворнок (р. 216). Этикетка «Оксфордская философия обыденного языка» использовалась только оппонентами этой философии. Те же, к кому это название относили, предпочитали говорить о философии концептуального анализа или лингвистической философии (р. 216).

Уточнение значения термина «философия обыденного языка» потребовало от Глока ссылки на Райла, который как-то заметил, что слово «обыденный» в названии «философия обыденного языка» противопоставляется скорее слову «нестандартный», чем «специально созданный» (“technical”). Таким образом, философ обыденного языка апеллирует к стандартному или создаваемому в качестве оппозиции нестандартному или девиантному (отклоняющемуся от нормы) использованию слов. При этом каковым будет это отклоняющееся от нормы использование слов – специально или не специально создаваемым, – зависит от решаемой философской проблемы. Таким образом, этикетка «философия обыденного языка» является неправильно употребленным словом, если, как это часто случается, настаивать, что данная философия должна иметь дело только со словами и концептами каждодневного дискурса (р. 216). **Выходит, по Райлу и Глоку, что слово “ordinary” в термине “ordinary language philosophy” следует переводить не как «обыденный», «каждодневный», а как «стандартный», «обычно используемый».** А сам термин в переводе на русский язык будет звучать как «философия стандартно используемого языка».

Термин «философия идеального языка» тоже вводит в заблуждение, хотя и по другим причинам, продолжает Глок. Это название использовалось и до сих пор используется для двух фундаментально различных проектов. Один должен быть правильно назван *формальной семантикой*. Его ведущей идеей является то, что формально-логическое исчисление, такое как первопорядковое исчисление предикатов, разработанное Фреге и Расселом, выявляет логико-синтаксические глубинные структуры предложений естественных языков. Соответственно логико-лингвистический анализ выясняет черты и правила, которые регламентируют форму обыденного языка. Эта идея, впервые выдвинутая Витгенштейном в его «Трактате», получила развитие в теории значения для естественных языков у Дэвидсона.

Проект формальной семантики следует отличать от *логического конструктивизма* в духе Фреге, Рассела, Карнапа и Куайна. Логический конструктивизм относится скорее к ревизионистской, чем описательной или выявляющей, модели прояснения языка. Странники данного проекта стремятся избегать философских недоразумений, предположительно порождаемых обыденным языком, путем замены его искусственными идеальными языками, интерпретируемыми формальным исчислением, свободным от мнимых или фактических недостатков естественного языка, таких как многозначность, неопределенность, невозможность референции и категориальные несоответствия.

Противостояние концептуального анализа, с одной стороны, формальной семантике и логическому конструктивизму, с другой, *реально* и с (мета) философской и с исторической точки зрения, – констатирует Глок (р. 217), а не «создано *ретроспективно* через интерпретации живших позднее комментаторов», как посчитал бы Престон.

Тридцать пять лет назад Майкл Даммит, многими считающийся первым историком философии анализа, в книге «Источники аналитической философии» (1993) сформулировал ее «аксиому». Он написал, что философы-аналитики привержены двум основополагающим пропозициям: «во-первых, убеждению, что философское объяснение мышления может быть достигнуто посредством философского объяснения языка, и, во-вторых, что всеобъемлющее объяснение может быть достигнуто только подобным образом»³. Из изложения идей Глока следует, что он солидаризируется с Даммитом. С точки зрения Глока, аналитики, к какой бы ветви философии анализа они себя ни причисляли, разделяли сформулированную Даммитом аксиому.

II

В рецензируемый сборник вошли статьи восемнадцати, не считая Престона как автора «Введения» и редактора, исследователей. Их работы посвящены творчеству отдельных аналитиков (Дж. Мура, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Ф. Рамсея, Э. Нагеля, Г. Райла, У.В.О. Куайна, П. Стросона, Дж. Остина, Д. Дэвидсона, М. Даммита) или анализу отдельных философских произведений («Трактата» Витгенштейна, «Понятия сознания» Райла, “Sense and Sensibilia” Джона Остина). Другая часть статей раскрывает связь аналитической философии с феноменологией, прагматизмом, бихевиоризмом. В двух статьях говорится о том, как логический позитивизм стал частью американской философии и аналитической традиции в целом. Структурно Престон расположил работы так, что с его идеи об иллюзорности единства аналитической традиции начинается разговор в редакторском введении, а в заключительной статье сборника, автором которой является Сандра Лапойнт, эта идея получает развитие в виде развенчания «традиционалистского предположения».

Послушаем критиков существования аналитической философии как единой традиции – Престона, а затем Лапойнт.

В редакторском введении Престон продолжает развенчивать «иллюзию единства» – понятие, введенное им в монографии «Аналитическая философия: история одной иллюзии». Отказ от этой иллюзии, полагает Престон, показывает, что аналитическая философия не представляет собой единой интеллектуальной традиции, поскольку лишена «фундаментальных соглашений» или «фундаментальных принципов» (р. 2). **Соглашения или принципы АФ** определяются и переопределяются в ходе ее исторического развития. Таким образом, аналитическая традиция «обязана своим существованием совокупности интерпретаций», которые могут оказаться и ошибочными (р. 4). По мнению Престона, «то, что в наши дни мы называем “аналитической традицией” в большей мере может характеризоваться как *результат взаимодействия меняющихся интерпретаций на различных уровнях* – на уровне, где располагаются отдельные философы и их работы, с одной стороны, и, с другой стороны, на разных уровнях объединения – от подгрупп внутри традиции (таких как логический позитивизм или Оксфордская философия) до традиции в целом» (р. 2).

Престон так конкретизирует проблемы, решение которых вызывает разночтения и не позволяет говорить об аналитической философии как о единой традиции. Это (1) проблема приверженности аналитиков лингвистическому

³ Dummett M. Origins of Analytical Philosophy. Camb. (Mass.), 1993. P. 4.

анализу, в котором они видят единственно правильный философский метод, и (2) проблема существования четких границ между АФ, прагматизмом и так называемой «континентальной философией» (р. 1). Он пишет: «Никто не думает, что современная аналитическая философия привержена лингвистическому анализу, и историки аналитической философии ставят под сомнение, было ли это определяющим основоположением традиции на какой-либо стадии ее развития» (р. 1). Они «указывали по меньшей мере с 1990-х годов, что ни Мур, ни Рассел – ни, коли на то пошло, Фреге – не поддерживали лингвистического взгляда на философию или философский анализ. В результате, аналитическая философия *никогда* не выказывала фундаментальных соглашений о фундаментальных принципах ни в какие времена и, конечно, ни на каких значительных отрезках времени» (р. 4).

Что касается проведения четких границ между философскими направлениями, то тут Престон прибегает к аргументу, строящемуся на различной оценке творчества Куайна и Витгенштейна. Существуют работы, которые рисуют Куайна в равной мере прагматистом и аналитиком⁴. А один из авторов данного сборника – Черил Мизак – вообще заставляет нас задуматься, было ли с самого начала различие между аналитической философией и «континентальной философией» (статья «Фрэнк Рамсей и затруднительное положение для аналитической философии в отношении прагматизма»). Известно, что ряд исследователей проводят параллель между поздним Витгенштейном и рядом видных континентальных философов⁵.

«Существование аналитической традиции было порождено, коротко говоря, ее интерпретациями» (р. 4–5), – подытоживает Престон.

III

Лапойнт поддерживает Престона. По ее мнению, чтобы называться философской традицией, аналитической философии недостает единодушия в решении проблем (1) периодизации и (2) релевантности авторов, которых можно (или нужно) отнести к аналитикам. Лапойнт конкретизирует эти нерешенные проблемы. «Когда аналитическая традиция зародилась? Кто ее главные протагонисты? Является ли аналитическая традиция (главным образом) англо-американской? Не является ли она, по крайней мере, по происхождению, австро-германской? Должен ли Фреге быть включен в эту традицию? А должны ли участники школы Brentano? И что насчет польских логиков Львова и Варшавы?» (р. 273).

Непропорционально большой интерес историков АФ к вопросам ее периодизации и релевантности авторов уже являют собой симптом болезни, отмечает Лапойнт. Она считает, что существующие ответы на вопрос об отцах-прародителях АФ или опрощают его, сужая к ортодоксии, или расширяют его совершенно произвольно. В первом случае считается, что АФ зародилась в первые десятилетия XX в. в работах группы мыслителей из Кембриджа, во втором случае включают в число прародителей Фреге за его заслуги в математике и логике, но исключают немецкоговорящего математика и логика Эдмунда Гуссерля, с которым Фреге находился в прямом контакте (р. 275).

⁴ Godfrey-Smith P. Quine and pragmatism // A Companion to W.V.O. Quine. Malsen (MA); Oxf., 2014. P. 54–68.

⁵ Staten H. Wittgenstein and Derrida. Lincoln, 1984; Garver N., Lee S. Derrida and Wittgenstein. Philadelphia, 1994.

Не удастся найти согласия и по вопросу, какие теоретические или методологические обязательства (*commitments*) объединяют аналитиков. Майкл Бини полагает, что отчасти аналитиков объединяет совокупность используемых ими *методов*. Тим Крейн склоняется к точке зрения, что объединяющим критерием может служить собрание *взаимосвязанных текстов*. Брайан Лейтер указывает на такой критерий как общий *стиль* философствования. Глок усматривает *семейное сходство* разделяемых и использующихся аналитиками текстов и техник. Для Престона единство аналитиков является всего лишь иллюзией (р. 275). **По мнению самой Лапойнт, стремление дать дефиницию аналитической традиции стратегически непродуктивно из-за интеллектуальной ангажированности самих исследователей.** Она пишет: «Историки аналитической философии – предположительно потому, что они сами включены в исследование какого-то аспекта аналитической философии, – как правило подразумеваются стоящими в *доверительных отношениях* с аналитическими философами прошлого и *разделяющими их интеллектуальные обязательства*» (р. 276). Именно вовлеченность самих исследователей в аналитическую деятельность во многом порождает «предполагаемую *уникальность* и телеологический характер аналитической традиции» (р. 276).

Лапойнт убеждена, что исследовательский инструментарий, методология должны быть продуктивными и соответствующими (*appropriate*) не столько для объяснения прошлых результатов, сколько нынешних и будущих. Если же проанализировать предположение о единстве аналитического движения, которому автор дала наименование “*traditionalist conjecture*”, то оно, по мнению Лапойнт, совершенно непродуктивно (р. 282–283). **АФ, понимаемая канонически, не сводится к доминированию в ней логического и/или лингвистического анализа** (р. 281). Понимаемая не столь канонически, АФ не сосредоточивается на вопросах изучения оснований математики и наук, математической и философской логики, изучении языка.

Лапойнт убеждена, что с самого начала АФ имела более широкое поле исследования (р. 283). **Она уточняет: «Моя позиция, чтобы быть ясно понятой, заключается в том, что не одна, но много традиций, школ и движений подпадает под аналитическую философию, каковой она видится в наши дни, и что консолидация этих традиций через преодоление их несходства не продуктивна при ответе на вопрос, [что такое аналитическая философия]»** (р. 276). Традиционалистский подход, особенно в ортодоксальной форме, связывающей АФ с логическим и лингвистическим анализом, не позволяет, с точки зрения Лапойнт, объяснить исторически расширявшееся предметное поле современной АФ, охватившей большинство сфер философии вообще – в том числе метафизику, философию сознания, этику и т. д. Она пишет: «“традиционалистский подход” не способен, когда приходит время для осознания, удовлетворительно ответить на вопрос, каким образом АФ стала тем, чем она является в наши дни» (р. 284).

По ее мнению, отказ от этого подхода принесет только пользу. Полезность будет тройной. Во-первых, появится возможность создания более цельной картины развития АФ, включающей гораздо большее число доктрин и теорий, возможность сделать ее инклюзивной и плюралистической. Во-вторых, будет обеспечено понимание непрерывности философии как таковой через распространение на АФ общих закономерностей развития мировой философии. В-третьих, создастся возможность иной оценки ряда авторов в отношении к АФ, в частности не-мужчин, [но и женщин], и/или германо- и

англоговорящих авторов, чья работа или игнорировалась или преуменьшалась, приспособлявая нашу оценку их вклада в процесс формирования теоретических парадигм наших дней к устаревшим стандартам (р. 284).

IV

С мнением Престона, что аналитическая традиция в большей мере представляет собой «результат взаимодействия меняющихся интерпретаций», можно согласиться в двух случаях. Во-первых, если в истории аналитической философии не будет обнаружено «фундаментальных соглашений о фундаментальных принципах» ни на одном отрезке времени. Во-вторых, если у того или иного причисляемого к аналитикам философа обнаружится такой смысл его идей, который предметно, концептуально или методологически может быть не связан с их работой. На мой взгляд, ответ в обоих случаях должен быть отрицательным, и потому доводы Престона и тех, кого он причисляет к своим союзникам, не являются бесспорными.

Первый случай. Тезис об отсутствии «фундаментальных соглашений о фундаментальных принципах». Напомним, Престон считает, что «аналитическая философия никогда не выказывала фундаментальных соглашений о фундаментальных принципах ни в какие времена и, конечно, на значительных отрезках времени» (р. 4). Однако авторы данного сборника, в том числе цитировавшийся выше Глок, говорят о лингвистическом взгляде на философию и философский анализ хотя бы на «значительных промежутках времени». Так, Скот Соумс в статье «Меняющаяся роль языка в аналитической философии», не эксплицируя свою поддержку аксиоме Даммита, однозначно ее разделяет.

Об уникальности этой особенности надо сказать особо. На наш взгляд, у аналитической философии XX в. была своя миссия в мировой рационалистической философии, и обращение к языковой проблематике было не случайным, а закономерным. Ганс Слуга писал: «По-видимому, существует естественный прогресс в философии от метафизики через эпистемологию к философии языка... Сначала философы думали о мире, затем о путях познания мира. Наконец, они обратили внимание на способ, которым такое познание выражается⁶. Интуитивное представление о связи мышления и языка, очевидно, было всегда. Однако эта связь не проблематизировалась. В течение долгих веков существования философии мышление рассматривалось как самостоятельная субстанция. Автономность идеального признавалась и по отношению к телесному, и к знаковому, и даже к коммуникативному (вспомним обсуждение проблемы существования индивидуального языка⁷). Однако современные научные представления четко улавливают связь психологического, частью которого является мышление, знакового и коммуникативного⁸.

⁶ Цит. по: Боброва Л.А. Фреге или Витгенштейн? О путях развития аналитической философии // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. М., 1996. С. 100.

⁷ См., например: Лорети А. Проблема индивидуального языка в философии Л. Витгенштейна. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2016.

⁸ «Сознание можно трактовать как процесс вторичного восприятия объекта в превращенной знаковой форме и введения соответствующего объекту значения в систему отношений с другими значениями языкового тезауруса. Чем в большее число связей и опосредований включается воспринимаемый объект-значение, тем выше его осознанность» (Петренко В.Ф. К проблеме психологии сознания // Вопр. философии. 2010. № 11. С. 70).

Думаю, если приводить контраргументы против тезиса, что у аналитической философии не было фундаментальных соглашений на протяжении значительных промежутков времени, можно использовать факты из ее истории. Мало кто будет отрицать существование школ, направлений, использующих определенные виды анализа, выбирающих определенное предметное поле и опирающихся на вполне определенные метафизические и онтологические установки (логический атомизм, логический эмпиризм, реализм и антиреализм, реализм и субстанционализм, физикализм, натурализм и так далее). Логический и лингвистический анализ в философии продолжают быть продуктивными и в наши дни⁹.

Второй случай. Тезис о том, что авторы данного сборника выявили такие идеи и смыслы у философов, относимых к аналитикам, которые были *истолкованы* в аналитическом ключе, но по сути таковыми не являются. Предполагается, что некоторые авторы сборника такие несопоставимые с философией анализа идеи отыскивали. Возьмем для рассмотрения статью Питера Хилтона «Идеализм и происхождение аналитической философии: Мур интерпретирует Канта и Брэдли». Удалось ли Хилтону кардинально поколебать наше знание о зарождении АФ?

Существуют два широко распространенных положения о зарождении аналитической философии, говорит Хилтон. (1) Аналитическая философия берет начало в восстании против идеализма и (2) она зарождается через соединение работ Мура, Рассела и Фреге. Однако, замечает Хилтон, правильнее было бы говорить, что с идеализмом боролся Мур. Его критика была направлена против Канта и Брэдли. Именно в Британии Канта относили к идеалистам и его онтология рассматривалась в неразрывной связи сознания и мира (познающего и познаваемого). В Германии Кант считался в начале своей карьеры натурфилософом, а позже эпистемологом. Для Фреге основными противниками были представители натурализма и связанного с ним психологизма, мешающего достижению объективности знания. Таким образом, если считать родоначальниками АФ Мура, Рассела и Фреге, никакой совместной борьбы с идеализмом не наблюдается, заключает Хилтон. Он полагает, что честь прародителя АФ в части критики трансцендентального идеализма Канта и антипсихологизма в идеализме Брэдли принадлежит Муру. Рассел лишь следовал в этом за Муром. В итоге Мур и Рассел во взглядах на процесс познания возвратились к классическому эмпиризму: сознание пассивно и неспособно напрямую иметь «знание-знакомство» с физическими объектами. Эта осведомленность зиждется на данных наших органов чувств. Мура и Рассела от классических эмпириков отличало убеждение, что абстрактные объекты, такие как универсалии, пропозиции и концепты, существуют наравне с теми сущностями, с которыми у нас имеется «знание-знакомство» (р. 27). «Концепты, согласно этой точке зрения, не являются ни физическими, ни ментальными, а неизменными сущностями особого рода. Пропозиции составлены из концептов. Размышляющий ум находится в контакте с концептами и пропозициями, но не творит их и не оказывает на них воздействие» (р. 28). И, как отмечали Т. Болдвин (Baldwin) и К. Прети (Preti) в собрании «Ранних философских работ» Мура (2011), результатом стало то, что «теория суждения обернулась метафизикой, благодаря роли пропозиций» (р. 29). И вновь Рассел, как и в критике идеализма, последовал за Муром, что вы-

⁹ См.: Целищев В.В. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 2. С. 141, 144, 148.

лилось в одну из первых теорий значения – теорию дескрипций. А далее начинается эпоха значения. Однако тут пути Мура и Рассела разошлись. Но старт их общему предприятию был дан (р. 29–30).

Как видим, на первом этапе развития АФ Хилтон отводит Джорджу Муру ведущую роль, считая Рассела его последователем. Автором делается акцент на явной метафизической природе первых проектов аналитиков, что в общем-то никогда и не подвергалось сомнению. Кроме того, платонистская окраска многоуровневой онтологии раннего Рассела тоже не является новостью для исследователей его творчества. Не отрицал Рассел и влияния идей Мура на свои взгляды. Вспомним: «К концу 1898 г. Мур и я восстали против Канта и Гегеля. Мур начал бунт, я верно за ним последовал»¹⁰. Не отрицал Рассел и первенства Мура в борьбе с идеализмом. Он замечал: «Несмотря на общность позиции, интересовало нас в новой философии разное. Полагаю, что для Мура главным было опровержение идеализма, а для меня – опровержение монизма»¹¹.

Стоит уточнить, в какой период своего творчества Рассел был приверженцем классического эмпиризма. Джон Пассмор, например, отмечал: «Без особого преувеличения можно сказать, что философское развитие Рассела олицетворяет собой переход от Декарта к Юму»¹². А.С. Колесников, используя метафору, указывал: «Вся деятельность Рассела – это “философская жизнь” то на “альпийских вершинах”, где жили ранее Платон, Лейбниц и Фреге, то в “долинах”, которые были “возделаны” Юмом, Миллем и Джемсом... Эти его “путешествия” часто становились основой разногласий в оценке Рассела-философа»¹³. Рассел не являлся эмпириком на раннем этапе своего творчества, как утверждает Хилтон.

В целом из сказанного вытекает, что никаких новых смыслов в понимании АФ Хилтон не открывает и мало что меняет в наших представлениях о роли идей Мура и Рассела при ее зарождении.

То же самое наблюдается при чтении других авторов сборника. «Увести» кого-либо из избираемых для рассмотрения философов из аналитического поля едва ли удастся. Общие концепты феноменологии и аналитической философии сознания (р. 65), прагматистские установки отдельных философов-аналитиков (в данном сборнике речь идет о Рамсее), натурализм Нагеля и Куайна не вырывают этих философов из аналитического контекста. Свой вклад в философию не в последнюю очередь они внесли как философы-аналитики.

В целом чтение сборника только убеждает, что все они вовлечены в единый дискурс – уточняют, дополняют, интерпретируют идеи, тексты, оценки творчества философов-аналитиков и не уподобляются тому американскому судье, упомянутому В.В. Целищевым в статье «Философского журнала», который, столкнувшись со сложностями определения явления, воскликнул: «Когда я увижу это, я сразу узнаю его!»¹⁴.

¹⁰ Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия: Избр. тексты. М., 1993. С. 11.

¹¹ Там же.

¹² Пассмор Дж. Сто лет философии. М., 1998. С. 185.

¹³ Колесников А.С. Философия Бертрана Рассела. Л., 1991. С. 204.

¹⁴ См.: Целищев В.В. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов. С. 151.

V

Позиция Лапойнт грешит той самой ангажированностью, от которой она призывает избавляться историков аналитической философии. Она полагает, что увидеть связь между устоявшимися (каноническими) представлениями об аналитической философии как о философии логического и лингвистического анализа и современной философией анализа, заметно расширившей поле своих исследований за счет философии сознания, метафизики, этики и т. п., не удастся. Однако, по моему глубокому убеждению, тезис о глубокой пропасти между прошлым и нынешним этапами АФ очень спорный. Обратимся к автору «Аналитической философии двадцатого столетия» (2000) Авруму Стролу. Он описывает одну из ветвей преемственности в АФ. Теория речевых актов Остина, расширенная и уточненная работами З. Вендлера, Дж. Серла, А. Мартинича, была понята как философия языка, ведущая путь к философии действия. Далее Грайс истолковал философию действия как подраздел философии сознания. Но работы Вендлера, Серла, Мартинича и Грайса сами были предугаданы еще Райлом. «В результате таких продвижений философия языка, которая зародилась с Фреге и Расселом, была включена в философию сознания через посредничество доктрины речевых актов»¹⁵. И это только один контраргумент, а их можно построить немало¹⁶.

К неожиданным, я думаю, выводам для самой Лапойнт ведет ее стремление удалить из определения АФ предлагаемые разными авторами видовые признаки. Расширительное толкование АФ автор описывает как «троякую полезность». С точки зрения методологического прагматизма, которого придерживается Лапойнт и о котором заявляет уже в начале статьи, она нашла «продуктивное» решение поставленной перед собой задачи. Вглядевшись в современное предметное поле философов-аналитиков, она провозглашает, что АФ представляет собой не одну, а много традиций. Объяснение состоялось и притом именно в аналитическом ключе: когеренция достигнута. Однако хочется посоветовать вслед за В.В. Целищевым на то, как широко некоторые исследователи, отечественные или зарубежные, трактуют аналитическую философию, убирая из ее дефиниции видовые признаки и сводя ее к родовому отличию. Да, АФ – преемница классической рационалистической философии. Но сказать так – значит ровно ничего не сказать нового.

На наш взгляд, в размышления Лапойнт прокралась методологическая подмена, ею не замеченная. Лапойнт применила объяснение *ad hoc*. И хотя прагматическая цель была достигнута, был упущен онтологический аспект существования АФ. Лапойнт не захотела, очевидно, проследить преемственность между отдельными этапами и направлениями АФ. А между тем большинство авторов сборника в той или иной мере проблему преемственности решали, и потому их выводы не были столь радикальными, как выводы Лапойнт. Не найдя следов прошлого в настоящем, только и можно было занять крайне радикальную позицию.

¹⁵ Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. N. Y., 2000. P. 180.

¹⁶ О других ветвях преемственности в АФ см.: *Williamson T. How did we get here from there? The transformation of analytic philosophy // Belgrade Philosophical Annual*. 2014. No. 27. P. 7–37.

Список литературы

- Боброва Л.А. Фреге или Витгенштейн? О путях развития аналитической философии // Философские идеи Людвиг Витгенштейна / Под ред. М.С. Козловой. М.: ИФ РАН, 1996. С. 94–108.
- Колесников А.С. Философия Бертрانا Рассела. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 232 с.
- Лорети А. Проблема индивидуального языка в философии Л. Витгенштейна. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2016. 26 с.
- Пассмор Дж. Сто лет философии / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Л.Б. Макеевой, А.М. Руткевича. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 494 с.
- Петренко В.Ф. К проблеме психологии сознания // Вопр. философии. 2010. № 11. С. 57–74.
- Рассел Б. Мое философское развитие // Аналитическая философия: Избр. тексты / Сост., вступ. ст. и коммент. А.Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 11–27.
- Целищев В.В. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 2. С. 138–155.
- Dummett M. *Origins of Analytical Philosophy*. Camb. (Mass.): Harvard University Press, 1994. 195 p.
- Garver N., Lee S. *Derrida and Wittgenstein*. Philadelphia: Temple University Press, 1994. 242 p.
- Glock H.-J. *What is Analytic Philosophy?* Camb.: Cambridge University Press, 2008. 292 p.
- Godfrey-Smith P. *Quine and pragmatism // A Companion to W.V.O. Quine* / Ed. by G. Harman and E. Lepore. Malsen (MA); Oxf.: Wiley-Blackwell, 2014. P. 54–68.
- Staten H. *Wittgenstein and Derrida*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1984. 184 p.
- Stroll A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. N. Y.: Columbia University Press, 2000. 302 p.
- Williamson T. How did we get here from there? The transformation of analytic philosophy // *Belgrade Philosophical Annual*. 2014. No. 27. P. 7–37.

Analytic philosophy in the search of the analytic self-concept

Analytic Philosophy: An Interpretive History,
ed. by A. Preston. New York; London: Routledge, 2017. 289 pp.

Natalia A. Blokhina

Yesenin Ryazan State University. 46 Svoboda Str., Ryazan, 390000, Russian Federation; e-mail: n.blokhina_77@mail.ru

Within the last three decades, intense work of analytic philosophers in the search of the analytic self-concept has made some of them not only negate the existence of the unique analytical tradition, but also deny the specificity of their own philosophical activities. These are the particular goals, which the editor of the collected papers “Analytic Philosophy: An Interpretive History” (2017) Aaron Preston and the author of the manuscript “On the traditionalist conjecture” Sandra Lapointe pursued. After a thorough analysis it becomes clear that these scientists’ arguments are weaker against the arguments of other scientists presented in the collection of papers. Close reading shows us that an attempt to interpret one or another analytic philosopher’s writings in a different way does not allow to take these authors out of the analytical context or exclude their writings from the analytical discourse.

Keywords: analytic philosophy, self-concept, A. Preston, S. Lapointe, H.-J. Glock

References

- Bobrova, L. A. “Frege ili Vitgenshtein? O putyax razvitiya analiticheskoy filosofii” [Frege or Wittgenstein? On ways of analytic philosophy’ development], *Filosofskie idei Lyudviga Vitgenshteina* [Philosophical Ideas of Ludwig Wittgenstein], ed. by M.S. Kozlova. Moscow: IPh RAS Publ., 1996, pp. 94–108. (In Russian)
- Tselishhev, V. V. “Analiticheskaya filisofiya i revizionizm bez beregov” [Analytic philosophy and revisionism beyond the bounds], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 2, pp. 138–155. (In Russian)
- Dummett, M. *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994. 195 pp.
- Garver, N. & Lee, S. *Derrida and Wittgenstein*. Philadelphia: Temple University Press, 1994. 242 pp.
- Glock, H.-J. *What is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 306 pp.
- Godfrey-Smith, P. “Quine and pragmatism”, *A Companion to W.V.O. Quine*, ed. by G. Harman and E. Lepore. Malsen, MA; Oxford: Wiley-Blackwell, 2014, pp. 54–68.
- Kolesnikov, A. S. *Filosofiya Bertrana Rassela* [The Philosophy of Bertrand Russell]. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1991. 232 pp. (In Russian)
- Loreti, A. *Problema individual’nogo yazy’ka v Filosofii L. Vitgenshteina* [The Problem of Individual Language in L. Wittgenstein Philosophy], author’s abstract of Ph.D. thesis. Moscow, 2016. 26 pp. (In Russian)
- Passmore, J. *Sto Let Filosofii* [A Hundred Years of Philosophy], trans. by I.V. Borisova, L.B. Makeeva and A.M. Rutkevich. Moscow: Progress-Tradition Publ., 1998. 494 pp. (In Russian)
- Petrenko, V. F. “K probleme psixologii soznaniya” [On psychology of mind problem], *Voprosy filosofii*, 2010, No. 11, pp. 57–74. (In Russian)
- Russell, B. “Moyo filosofskoe razvitie” [My Mental Development], *Analiticheskaya filosofiya: Izbranny’eteksty* [Analytic Philosophy: Selected Writings], ed. by A.F. Gryaznov. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 1993, pp. 11–27. (In Russian)
- Staten, H. *Wittgenstein and Derrida*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1984. 184 pp.
- Stroll, A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press, 2000. 302 pp.
- Williamson, T. “How did we get here from there? The transformation of analytic philosophy”, *Belgrade Philosophical Annual*, 2014, No. 27, pp. 7–37.